

На правах рукописи

Журавлева Вера Анатольевна

**ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА В 1920–1930-е гг.:
ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена в Отделе истории ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук»

Научный консультант: **Корнилов Геннадий Егорович,**
д-р ист. наук, проф.,
Заслуженный деятель науки

Официальные оппоненты: **Жиромская Валентина Борисовна,**
д-р ист. наук, проф., проф. кафедры мировой
политики и международных отношений
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Исупов Владимир Анатольевич,
д-р ист. наук, проф., зав. сектором
историко-демографических исследований
ФГБУН «Институт истории Сибирского
отделения Российской академии наук»

Мазур Людмила Николаевна,
д-р ист., доц., зав. кафедрой
документационного и информационного
обеспечения управления ФГАОУ ВПО
«Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра Уральского
отделения Российской академии наук»

Защита состоится 29 июня 2016 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения РАН» (620999, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения РАН» (г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, каб. 1101) и на сайте Института по адресу: http://ihist.uran.ru/diss/info/_aview_b207

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,

д-р ист. наук

Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. К началу XXI в. в развитии России сложилась неблагоприятная демографическая ситуация. Она выразилась в стойком абсолютном сокращении численности населения. Не случайно 9 октября 2007 г. Указом Президента РФ утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., нацеленная на улучшение демографического положения страны. Впервые в отечественной государственной практике решение демографической проблемы названо определяющим для будущего страны. Для понимания современных реалий демографического развития России требуется ретроспективное изучение ее народонаселения, главного компонента человеческого общества, и влияния на него социально-политических, экономических и культурных факторов. Вместе с тем демографические процессы, протекающие в России, сопряжены с большим разнообразием жизни в пространственном отношении, поэтому особенно актуальным становится исследование их региональной специфики.

Актуальность темы определяется и первостепенным значением Урала в развитии СССР. В 1925 г. по выпуску продукции крупной промышленности Уральская область занимала пятое место в стране. Создание Второго угольно-металлургического центра СССР способствовало ускоренному индустриальному развитию края, повышению его роли и значения в экономической жизни страны. В 1936 г. Урал по производственным мощностям и выпуску промышленной продукции вышел на четвертое место в СССР, уступая только Московскому, Ленинградскому и Украинскому районам. Модернизационные процессы на Урале в годы довоенных пятилеток способствовали крупным демографическим сдвигам: регион с преимущественно сельским населением быстро превращался в край с преобладанием горожан. Все это определило выбор темы исследования.

Объектом исследования выступает население, проживавшее в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг.

Предметом исследования являются демографические процессы, протекавшие в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг., в частности изменения в численности, составе и размещении населения, особенности воспроизводства и миграции горожан.

Хронологическими рамками исследования являются 1920–1930-е гг. Начальный и конечный рубежи совпадают с важнейшими событиями демографической истории: со Всероссийской переписью населения 1920 г., позволяющей оценить ситуацию с городским населением Урала на момент начала Новой экономической политики в крае, и со Всесоюзной переписью 1939 г., зафиксировавшей существенные изменения в городском населении региона под влиянием промышленной модернизации.

Территориальные рамки включают пределы Уральской области, образованной в 1923 г. из Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний; после ее раздела в 1934 г. – Свердловской и Челябинской; с октября 1938 г. – Пермской, Свердловской и Челябинской областей. Ограничение гео-

графии исследования видится вполне допустимым, поскольку индустриальное развитие на Урале получило наибольшее развитие именно в этих областях, в них было сосредоточено около 80 % основных промышленных фондов и свыше 80 % кадровых рабочих всего региона, здесь активно шел процесс урбанизации.

Цель исследования – выявление региональной специфики демографических процессов, протекавших в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг.

В соответствии с этой целью определены **задачи исследования**: изучить процесс получения информации о городском населении Урала (организацию и проведение переписей и текущего учета населения); выявить факторы, влиявшие на динамику городской поселенческой сети и расселение горожан Урала; проанализировать изменения численности городского населения региона, его половозрастных характеристик; исследовать процессы естественного движения в городских поселениях Урала, тип воспроизводства городского населения; определить причины и размеры естественной убыли городского населения региона в периоды демографических катастроф 1920–1922 гг. и 1933 – середины 1934 гг.; рассмотреть динамику и основные направления миграции, ее роль в формировании городского населения Урала в 1920–1930-е гг., демографические последствия принудительных миграций в города в 1930-е гг.; выявить изменения в социально-экономическом и этническом составе городского населения, уровне его образования, религиозных убеждениях под воздействием политических и социально-экономических преобразований в стране и регионе.

Источники. Источниковая база исследования включает законодательно-нормативные документы, делопроизводственную документацию, статистические документы и периодическую печать.

Неопубликованные материалы содержат новую информацию и извлечены из 74 фондов 3 федеральных и 10 региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Курганской области (ГАКО), Государственного учреждения «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области» (ГАОПДКО), Государственного архива Пермского края (ГАПК), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Государственного краевого учреждения «Пермский государственный архив новейшей истории» (ПермГАНИ), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственного архива административных органов Свердловской области (ГАОСО), Архива Златоустовского городского округа (Архив ЗГО), Муниципального казенного учреждения «Городской архив» г. Магнитогорска (МКУ ГАМ). Значительная часть документов введена в научный оборот впервые.

Важную группу источников составляют законодательно-нормативные документы. К ним относятся законодательные акты Советского государства, представленные в сборниках документов («Декреты Советской власти», «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР», «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства

РСФСР», «Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1944 гг.») и позволившие реконструировать процесс государственно-правового регулирования социально-демографического развития страны, в том числе Урала, в изучаемый период. Важное значение для исследования имеют решения Наркомата здравоохранения РСФСР¹. Они определяют основные направления демографической политики государства в сфере воспроизводства городского населения. В основе законодательной и практической деятельности Советского государства в 1920-е и особенно 1930-е гг. лежали решения партийных съездов и ЦК ВКП (б), совместные постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР, которые носили директивный характер и определяли приоритеты деятельности государственных и хозяйственных органов. Партийные решения содержатся в изданиях: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Справочник партийного работника» и др.

Делопроизводственная документация (организационная, распорядительная, протокольная документация; деловая переписка; отчетные документы) представлена в основном архивными документами, содержит огромный массив данных о демографической ситуации, здравоохранении, городском хозяйстве, быте местного и приезжего населения. Этот вид исторического источника позволяет определить направления деятельности областных и городских органов власти по решению проблем народонаселения. Практика публикации отчетов местных властей характерна для 1920-х гг., в 1930-е гг. это стало редкостью. Часть делопроизводственной документации исследуемого периода вошла в региональные сборники документов и материалов, издаваемые с 1960-х гг.²

Особую ценность в исследовательском плане имеют статистические источники: материалы ЦСУ, ЦУНХУ и УНХУ РСФСР, статистических учреждений и органов народнохозяйственного учета Урала. В первую очередь это материалы Всероссийской переписи населения 1920 г., Всесоюзной городской переписи 1923 г., Всесоюзных переписей 1926, 1937 и 1939 гг. В статистических сборниках изучаемого периода, как общесоюзных и общероссийских³, так и региональных⁴, приведены данные переписей и текущей статистики по различным аспектам народонаселения, здравоохранения, народного образования, городского хозяйства. В 1932 г. опубликован статистический отчет «Магнитострой в цифрах» с итогами переписи в Магнитогорске в 1931 г. Обилие стати-

¹ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925–1940: сб. док. и мат. / сост. Л.И. Завалищенко, П.И. Гусев, П.П. Ковалев и др. М., 1973.

² Из истории Свердловской области, 1917–1975: сб. док. и мат. / отв. сост. М.И. Туровец. Свердловск, 1982; Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и мат. / под ред. П.Г. Агарышева. Челябинск, 1998; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сб. док. и мат. / сост. Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2005. Т. 1; Пермская область накануне Великой Отечественной войны: сб. док. / сост. В.Г. Светлаков. Пермь, 2005; и др.

³ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1936; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. М.; Л., 1939; Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР за годы второй пятилетки. М.; Л., 1939; и др.

⁴ Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. / под ред. К.И. Клименко. Челябинск, 1923; Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск, 1932; Свердловская область в цифрах. 1935: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1936; Челябинская область (кратк. стат.-эконом. справочник). Челябинск, 1941; и др.

стических сборников, издававшихся на Урале в 1920-е гг., свидетельствовало о публикаторской активности местных статистиков. В 1930-е гг. их число сократилось, демографический материал в них сводился к численности населения, количеству объектов здравоохранения, образования и городского хозяйства.

На Урале особое значение имеют статистические сборники «Уральский статистический ежегодник» за 1923 г. и 1923/24 г. и «Уральское хозяйство в цифрах» за 1926–1930 гг. со специальным разделом «Территория и население», в котором публиковались статистические данные по широкому кругу демографических проблем. Единообразие в подаче статистической информации позволяет определить динамику демографических процессов в крае. Но последний выпуск Уральского хозяйства в цифрах за 1931–1932 гг. уже не содержал прежнего объема сведений о населении. Ценная информация о воспроизводстве населения Урала содержится в статистических сборниках, издававшихся в СССР и РСФСР во второй половине 1920-х гг.⁵ Статистика здравоохранения Урала представлена в ежегодных изданиях Уральского облздравотдела⁶. В 1930-е гг. статистические сборники с такой тематикой не публиковались, но данные по Уралу за конец 1930-х гг. содержатся в общесоюзном статсборнике по здравоохранению 1946 г.⁷ Статистические материалы позволяют сравнить демографические характеристики жителей уральских городов и аналогичных поселений в других регионах страны.

В качестве исторического источника в работе представлена периодическая печать, выборка из которой связана, прежде всего, с организацией проводимых в регионе переписей, состоянием городского хозяйства и здравоохранения. Как правило, данные материалы носили оперативный характер и не содержали аналитической информации.

Таким образом, источниковая база исследования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. довольно обширна и вполне репрезентативна. Изучение всей совокупности названных выше источников позволило, по нашему мнению, решить поставленные в исследовании задачи по избранной теме.

Научная новизна работы заключается в развитии нового историко-демографического направления – исследования региональных аспектов российской демографической модернизации. Проявлением новизны является следующее: это первое обобщающее историко-демографическое исследование городского населения в территориальных границах Уральской области (с 1934 г. – Свердловской и Челябинской, 1938 г. – Пермской, Свердловской и Челябинской областей); впервые указанные процессы на Урале рассмотрены в хронологических рамках 1920–1930-х гг.; предпринята первая попытка анализа демо-

⁵ Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. М., 1928; Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.

⁶ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Свердловск, 1926. Вып. II; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Свердловск, 1928. Вып. III; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1927 г. Свердловск, 1929; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 г. Свердловск, 1929; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 г. Свердловск, 1931.

⁷ Здравоохранение в Союзе ССР: стат. справочник / сост. М.Н. Преображенская. Рига, 1946.

графических процессов на Урале в контексте модернизационных преобразований, выявлены особенности урбанизации региона; наряду с обобщением результатов, достигнутых предшественниками, в научный оборот введен большой корпус ранее не использованных общероссийских и региональных источников, а также изучен процесс получения информации о городском населении; впервые подробно и комплексно изучены итоги переписей и текущего учета городского населения Урала, в том числе региональной переписи в г. Магнитогорске (1931 г.), сделаны выводы об основных характеристиках горожан (численности населения, половозрастной структуре, естественном движении, миграциях, национальном составе, грамотности, социально-экономической структуре, религиозности), рассчитаны коэффициенты их рождаемости и смертности, в том числе младенческой, естественного прироста; определены масштабы и продолжительность демографических катастроф, размеры убыли населения в конкретных городских поселениях региона; определена доля спецконтингента в городском населении Урала, что позволило уточнить масштабы использования спецпереселенцев на промышленных предприятиях Урала в 1930-е гг.; в научный оборот введены имена работников органов статистики и народнохозяйственного учета Урала; на основе критериев, характеризующих городское поселение, выявлен перечень городских поселений Урала накануне переписей 1920–1930-х гг., определены тенденции их развития. Наиболее существенные результаты работы и их новизна позволили выработать целостное представление о демографических процессах в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг.

Практическая значимость исследования. Работа позволяет понять истоки демографических проблем современной России и Урала и определить эффективные способы их решения. Материалы исследования могут быть использованы в обобщающих историко-демографических трудах по России и Уралу, в образовательной сфере – в курсах по истории России, экономической истории, спецкурсах по краеведению и исторической демографии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1920-е гг. на Урале были созданы статистические органы, преобразованные в 1932 г. в органы народнохозяйственного учета (НХУ). Они наладили текущий учет городского населения, подготовили и провели в регионе переписи 1920–1930-х гг., тем самым собрав всестороннюю и системную информацию о горожанах. Итоги переписей достоверны; данные текущего учета, особенно миграций, при всех своих недостатках позволяют проанализировать основные изменения в естественном и миграционном движении городского населения.

2. Промышленная модернизация Урала в рассматриваемый период привела к ускоренной урбанизации региона, которая имела экстенсивный характер и проявилась в административном преобразовании населенных пунктов в городские и росте численности городского населения. В итоге изменилось соотношение городских и сельских жителей: в 1939 г. в Свердловской области удельный вес горожан в общем населении края превысил долю селян, к этому показателю вплотную подошли Челябинская и Пермская области. Темпы урбанизации на Урале были выше, чем в СССР и РСФСР.

3. В 1920–1930-е гг. городские поселения Урала находились на этапе демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Его региональная специфика проявилась в устойчивом снижении рождаемости при сохранении достаточно высокой смертности, уровень которой превышал общесоюзный и общероссийский. На протяжении всего изучаемого периода отмечалась высокая младенческая смертность. Вместе с тем наметилась тенденция к неустойчивому снижению и смертности горожан. Естественное течение демографической трансформации в городских поселениях Урала прерывалось политическими и социально-экономическими катаклизмами. Они пережили две демографические катастрофы. В 1920–1930-е гг. горожане погибали в основном от экзогенных причин. Городские поселения края не смогли завершить первый этап эпидемиологического перехода.

4. Быстрый рост населения городов Урала осуществлялся за счет миграции, значение которой усилилось в годы промышленной модернизации. В условиях демографической катастрофы начала 1930-х гг. прирост населения был обеспечен только за счет мигрантов, прибывавших в города как добровольно, так и принудительно. Вместе с тем спецпереселенцы составляли незначительную часть жителей уральских городов. Основным источником пополнения горожан на протяжении всего изучаемого периода оставалась внутренняя миграция. В основном это были мужчины в трудоспособном возрасте. В годы индустриализации городские поселения региона вступили во вторую фазу миграционного перехода, в ходе которой массовые движения населения были обусловлены промышленной модернизацией страны.

5. Промышленная модернизация советского Урала привела к изменению социально-экономической структуры населения. Исчезли группы горожан, характерные для рыночного хозяйства периода нэпа. В 1939 г. подавляющее большинство экономически-активных городских жителей представляли рабочие (свыше двух третей) и служащие (около трети), которые были заняты, прежде всего, в тяжелой промышленности. В годы индустриализации в общественное производство активно вовлекались горожанки.

6. Материалы переписей 1920–1930-х гг. зафиксировали рост уровня грамотности горожан в результате осуществления государством политики ликвидации неграмотности и введения обязательного начального образования. Несмотря на численный рост умевших читать и писать не только среди школьников, но и взрослых, к концу 1930-х гг. не удалось достичь всеобщей грамотности. К тому же уровень образования оставался низким. Переписи 1920–1930-х гг. свидетельствовали о полиэтничности горожан, среди которых преобладали русские. Однако в годы индустриализации усилившаяся миграция изменила этническую структуру городских поселений. Выросла доля представителей других национальностей в городском населении Урала. Сохранившиеся выборочные предварительные данные переписи 1937 г. по крупным городам Челябинской области выявили достаточно высокую религиозность населения.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 2 персональных монографиях и 56 авторских научных работах, в том числе 17 статьях в изданиях, включенных в список ВАК. Общий объем

публикаций диссертанта – 47,4 п.л. Основные положения работы представлялись в виде докладов и сообщений на конференциях: международных (Пермь 1994, Челябинск 2009, 2010; Москва 2010; Усть-Каменогорск 2011; Оренбург 2013; Екатеринбург 2013, 2015; Пенза 2012, 2013); всероссийских (Челябинск 1991; Екатеринбург 1995, 2007, 2009, 2012, 2013, 2014; Курган 2009); региональных (Екатеринбург 1994, 2013; Челябинск 2008, 2014, 2015). Тема диссертации была поддержана грантом РГНФ № 08–01–85106 а/У «Городское население Урала в условиях промышленной модернизации края (1920–1930-е гг.)» (2008–2009 гг., руководитель). Материалы работы автор использует при чтении курсов «История России», «История отечественного государства и права» и «Экономическая история» в филиале ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет) в г. Златоусте.

Рукопись диссертации обсуждена на заседании Отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, формулируются его цель и задачи, характеризуется источниковая база, аргументируется научная и практическая значимость диссертации.

В **первой главе «Историография темы и методология исследования»** рассматривается историография темы, излагаются теоретико-методологические основы исследования. В **первом параграфе «Историография темы»** выделяются два периода – советский и постсоветский. Внутри советского периода выделяются два этапа, различающиеся степенью полноты изученности темы, использования источников: 1920–1950-е гг. и 1960–1980-е гг.

Начало первого периода (1920-е гг.) характеризуется повышенным вниманием современников к демографическим проблемам, что обусловлено деятельностью ЦСУ и его органов на местах. В их задачу входили не только сбор данных текущего учета населения и проведение переписей, но и их разработка⁸. В 1930 г. была опубликована монография Е.З. Волкова, посвященная динамике населения СССР за 80 лет, но без данных по Уралу⁹.

В центре внимания исследователей того времени были и вопросы воспроизводства населения. Анализ общесоюзной научной демографической литературы 1920-х гг. по этой теме представлен в работах Д.К. Шелестова и В.З. Дро-

⁸ Бабынин Б. Население РСФСР в 1926–1941 гг. // Бюллетень Госплана РСФСР. 1926. № 23–24. С. 20–38; Он же. Перспективы роста населения СССР в 1927/28–1932/33 гг. // Плановое хозяйство. 1928. № 10. С. 320–338; Он же. Перспективы естественного движения населения в РСФСР на ближайшие годы // Статистическое обозрение. 1930. № 6. С. 121–126; Квиткин О. Первые итоги переписи 1926 г. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. С. 13–19; и др.

⁹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.

бижева¹⁰. Заслуга авторов первых публикаций по воспроизводству населения в том, что они подошли к проблеме как к целостному явлению, объединявшему два основных процесса – рождаемость и смертность. В работе П. Кувшинникова анализируется естественное движение населения в 1920–1922 гг. в 14 губерниях РСФСР. По Екатеринбургской губернии он сделал вывод о повышении рождаемости при сохранении высокой смертности¹¹.

В 1928–1929 гг. были опубликованы статистические сборники о естественном движении населения СССР и РСФСР. Во вступительных статьях к ним дан подробный анализ состояния текущего учета демографических событий в стране и республике, естественного движения населения с выделением отдельных губерний, городского и сельского населения. В сборниках данные по городам Уралобласти сравниваются с другими регионами, что позволило работникам статорганов сделать вывод о высоком уровне рождаемости и смертности на Урале¹². М.П. Красильников, опираясь на итоги переписи 1926 г., отметил низкий уровень урбанизации в регионе¹³.

Уральские статистики М.П. Антонов, В. Кайгородов, А.И. Князев, В.Н. Смирнов, Р. Шубин на основе данных текущего учета и переписей оперативно выявляли причины изменения численности горожан, анализировали их рождаемость и смертность, социальный и национальный состав, половозрастную структуру. И.Н. Гридин обобщил материал организации переписи 1926 г в городских поселениях Урала¹⁴. Следует выделить работы Ф.Н. Лебедева по широкому кругу демографических проблем Урала и его городов¹⁵. Статистик

¹⁰ Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М., 1983. С. 121–152; Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 9–26.

¹¹ Кувшинников П. Естественное движение населения РСФСР в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1925. № 4–6. С. 99–135.

¹² Красильников М.П. Введение // Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. С. III–XIII; Лубны-Герцык Л.И. Общие показатели естественного движения Европейской части СССР за 1924 и 1925 гг. // Там же. С. XIV–XXII; Он же. Естественное движение населения в СССР в 1926 г. // Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 7–34; и др.

¹³ Красильников М.П. Население Урала и Северной Азии (Из итогов Всесоюзной переписи 1926 г.) // Северная Азия. 1929. Кн. 3. С. 55–82.

¹⁴ Кайгородов В. Шадринский уезд в цифрах // Журнал Шадринского общества краеведения. 1923. № 1. С. 8–9; Смирнов В.Н. Предварительные итоги профессионально-демографической городской переписи 15 марта 1923 г. по Екатеринбургской губернии // Губерния в цифрах. 1923. № 4. С. 15–23; Шубин Р. Всероссийская городская перепись 1923 г. Некоторые итоги переписи по Пермской губернии // Экономика. 1923. № 2–3. С. 61–63; Антонов М. Естественное движение населения за первую половину 1924 г. в Пермском округе // Экономика. 1925. № 4 (23). С. 54–57; Князев А.И. Население и его состав // Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 34–47; Гридин И.Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах и городских поселениях Уральской области // Жилой и нежилой фонд городов и поселений городского типа Уральской области по данным разработки Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Свердловск, 1928. С. 1–8; и др.

¹⁵ Лебедев Ф. Население Уральской области по переписи 1926 г. // Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области: справочник по округам, районам и сельсоветам Уральской области. Свердловск, 1927. С. 3–38; Он же. Трудовые ресурсы Уралобласти // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 150–155; Он же. Механическое движение населения городов Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 8–9. С. 150–161; Он же. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти // Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной

пришел к важным для экономики края выводам. Из Первой мировой и Гражданской войн регион вышел с более сильным половозрастным составом населения, чем СССР. С 1924 г. возрастная группа в 5–16 лет, особо не пострадавшая за предыдущий период, начала вступать в трудоспособный возраст, составляя рабочую силу для хозяйства края. В дальнейшем проблема нехватки рабочих рук в городах должна была решаться за счет селян. Ф.Н. Лебедев одним из первых на Урале начал изучать миграции горожан.

Уральские врачи исследовали причины высокой заболеваемости и смертности горожан¹⁶, профессиональную заболеваемость рабочих¹⁷, искусственное прерывание беременности, влиявшее на здоровье женщин репродуктивного возраста¹⁸. В 1926–1931 гг. были опубликованы статсборники о состоянии здравоохранения на Урале с анализом динамики рождаемости и смертности, результативности мероприятий по улучшению воспроизводства жителей региона¹⁹. На основе материалов переписи 1926 г. и текущего учета статистики построили таблицы смертности и продолжительности жизни как для населения СССР, так и Уральской области, в том числе горожан²⁰.

Проблемы развития населения вообще и горожан в частности привлекали внимание краеведов²¹ и географов²². Они рассматривали специфику уральских городов, большинство которых представляло собой поселки при заводах. Многие из них, несмотря на численность, не имели статуса города.

В целом в 1920-е гг. авторами демографических работ являлись статистики, экономисты, врачи и географы. Они анализировали объективные статдан-

переписи населения 1926 г.). Свердловск, 1929. С. 3–80; Он же. Смертность по социальным группам в городах // Хозяйство Урала. 1929. № 8–9. С. 210–220; Он же. Семья и социальный состав уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск, 1929. С. 1–61; Он же. Детская смертность на Урале в 1926–1927 гг. // Уральский медицинский журнал. 1930. № 1. С. 61–69; Он же. Возрастной состав населения Урала за 1927–28 гг. // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск, 1930. С. 62–89; и др.

¹⁶ Космодемьянский В.Н. Эпидемия сыпного и возвратного тифов среди гражданского населения гор. Перми во 2-ю половину 1921 г. // Пермский медицинский журнал. 1923. № 1–2. С. 1–15; Гаврилов К.П. Детская смертность на Урале // Уральский медицинский журнал. 1930. № 4. С. 57–67; № 5–6. С. 126–133; Розет Г.И. Здравоохранение Пермского района на пороге 2-й пятилетки // Пермский медицинский журнал. 1932. № 5–6. С. 3–13; и др.

¹⁷ Щербина Г. Профессиональные отравления и заболевания в уральской промышленности // Уральский техник. 1928. № 4. С. 68–73; Виленский М.М. Болезни профессиональные // Уральская советская энциклопедия. Свердловск, 1933. Т. 1. С. 444–447; и др.

¹⁸ Каменева Н. Опыт социальной группировки данных об абортах (По материалам Уральской области) // Вестник статистики. 1928. № 1. С. 77–94; Накоряков Н.К. Статистические данные об абортах в г. Перми (1922–1926 гг.) // Уральский медицинский журнал. 1929. № 3. С. 81–95.

¹⁹ Иванов Н.И. Движение населения в Уральской области за 1925 г. // Здравоохранение Уральской области за 1925 г. С. 1–9; Серебренников В.С. Организация лечебного дела в Уральской области // Там же. С. 36–76; Курдов И.К. Краткий очерк состояния здравоохранения на Урале в 1929 г. по сравнению с 1928 г. // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 г. С. 3–21; и др.

²⁰ Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л., 1930; Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области (Таблицы смертности по округам и полосам области). Свердловск, 1929.

²¹ Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа Уральской области. Шадринск, 1926.

²² Степанов П. Уральская область с приложением очерка Башкирской АССР. М., 1926.; Третьяков Б. Население Урала // Урал. Очерки физической и экономической географии Уральской области. Свердловск, 1926. С. 96–111; и др.

ные о населении, в том числе и городов, часто в практических целях, для решения современных социально-экономических проблем, и не ставили задачу осветить демографические аспекты в общеисторическом плане. Но эти публикации современников отличаются точностью воспроизведения фактов и представляют не только историографический, но и источниковедческий интерес.

В 1930-е гг. в условиях нарастания негативных процессов в общественно-политической жизни страны резко сократилось число научной демографической литературы. Изучение демографических процессов было затруднено отсутствием систематических публикаций статистических сведений о населении, а также усилением идеологического давления на исследователей, не позволявшего им объективно освещать демографические процессы в стране. В 1934 г. в Ленинграде был закрыт Демографический институт АН СССР. Научные кадры периодически подвергались репрессиям. Негативное влияние на исследования по демографии оказала распространенная в эти годы точка зрения о постоянном возрастании в советском обществе численности населения, снижении заболеваемости и смертности людей. Постепенно в научных исследованиях демографическая тематика стала отходить на второй план, исчезать.

Определенный всплеск в демографических исследованиях связан с переписями населения 1937 и 1939 гг. Появились работы по истории переписей²³. После переписи 1939 г. вышли публикации по ее итогам²⁴. Но, в отличие от 1920-х гг., анализ демографических изменений, зафиксированных переписью, был подменен простой констатацией самых общих ее результатов. В Челябинской области в 1939 г. готовилось к печати трехтомное издание по Южному Уралу. Но был издан только первый том, посвященный природным богатствам, второй же со сведениями о населении региона так и не увидел свет. В последующие годы вплоть до конца 1950-х гг. изучение народонаселения было ослаблено. Демографию свели до уровня простого учета населения.

На Урале географы продолжили изучать проблемы городской поселенческой сети края²⁵, медик П. Тарасов рассмотрел историю здравоохранения на Южном Урале, в том числе в 1920–1930-е гг.²⁶ В целом же в работах 1930–1950-х гг. численность горожан стала иллюстративным материалом для показа

²³ Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-демографической характеристики производства переписей населения). М., 1936; Пустоход П.И. Переписи населения в СССР // Воблый В.К., Пустоход П.И. Переписи населения (их история и организация). М.; Л., 1940. С. 104–148.

²⁴ Бозин Д. Население страны социализма (К итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г.) // Проблемы экономики. 1939. № 5. С. 35–46; Дубровицкий Л. Народонаселение Советского Союза (К итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Большевик. 1939. № 15–16. С. 109–123; Сулькевич С. Население СССР. М., 1939; Саутин И. Население страны социализма // Партийное строительство. 1939. № 12. С. 24–30; Писарев И. Население страны социализма (К итогам переписи 1939 г.) // Плановое хозяйство. 1940. № 5. С. 12–21; Он же. К итогам переписи населения СССР 1939 г. // Проблемы экономики. 1940. № 7. С. 82–90; и др.

²⁵ Константинов О.А. Городские поселения Урала // Вопросы географии, сб. 38. М., 1956. С. 78–103; Комар И.В. Урал: экономико-географическая характеристика. М., 1959; и др.

²⁶ Тарасов П. На страже здоровья трудящихся // Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957. С. 535–546.

достижений в индустриальном развитии Урала в годы первых пятилеток²⁷.

В послевоенный период, когда в СССР демографическая наука почти перестала существовать, вышла монография американского демографа и социолога Ф. Лоримера с анализом итогов переписей 1926 и 1939 гг., достаточно объективной характеристикой воспроизводства населения и миграций в первой половине XX в. В ней есть статданные по горожанам Уральской области²⁸.

Второй этап советской историографии темы начинается после XX съезда КПСС в условиях «оттепели» и охватывает 1960–1980-е гг. Он характеризуется введением в оборот большого количества документального материала, оживлением работы исследователей. В 1957 г. историк В.К. Яцунский призвал усилить исследования по истории населения. В 1963 г. участники совещания в редакции журнала «Коммунист» признали отставание в демографической науке и необходимость его ликвидации²⁹. В эти годы возникли научные центры по изучению проблем населения СССР, стали регулярными научные форумы по указанной тематике. Большое значение для историко-демографических изысканий имело появление в конце 1950-х гг. в отечественной научной литературе понятия «историческая демография».

Анализ общесоюзных публикаций по исторической демографии 1960–1970-х гг. содержится в работах Д.К. Шелестова, В.З. Дробижера и Р.Н. Пуллата³⁰, что позволяет не останавливаться на их разборе. Отметим, что значительный вклад в изучение различных аспектов истории народонаселения СССР внесли А.Я. Боярский, А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, А.И. Гозулов, Л.Л. Рыбаковский, Р.И. Сифман, Б.Ц. Урланис, В.М. Моисеенко, Б.С. Хорев, О.В. Бароян, М.С. Бедный, Л.Е. Поляков, Г.И. Литвинова, В.П. Данилов, В.З. Дробижев, А.Г. Максимов, Ю.А. Поляков и др. Появились работы по истории городского населения СССР³¹, началось изучение его развития в 1920–1930-е гг. на региональном уровне³². В 1988 г. вышла коллективная монография³³ с ретроспективным анализом демографического развития страны за годы советской власти. Авторы

²⁷ См., к примеру: Наша область: прошлое и настоящее Свердловской области. Свердловск, 1938; Мещеряков П.В., Байдерин В.В. В помощь агитатору: материалы о прошлом и настоящем Челябинской области. Челябинск, 1939; Нейштадт А.И. Развитие городов Урала в годы сталинских пятилеток. Свердловск, 1951; и др.

²⁸ Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and prospects league of nations. Geneva, 1946.

²⁹ Яцунский В.К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки // История СССР. 1959. № 3. С. 17–36; Шелестов Д.К. Демография: история и современность. С. 156.

³⁰ Шелестов Д.К. Демография: история и современность. С. 155–182; Он же. Основные этапы развития исторической демографии // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 15–28; Дробижев В.З. У истоков советской демографии. С. 154–174; Пуллат Р.Н. Тенденции развития и основные достижения исторической демографии в СССР на современном этапе // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 33–42.

³¹ Рашин А.Г. Рост городского населения в СССР (1926–1959 гг.) // Исторические записки. 1960. № 66. С. 267–277; Васькина Л.И. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации (По материалам Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г.) // Вестник Московского ун-та. Сер. IX: «История». 1971. № 4. С. 3–19; Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988.

³² См.: Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

³³ Население СССР за 70 лет / отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988.

отмечали высокие темпы роста горожан в годы индустриализации, в том числе на Урале; быстрое снижение смертности в 1920-е гг. они объясняли социальной политикой государства, а медицинские меры, по их мнению, имели меньшее значение.

На Урале исследованием народонаселения по-прежнему занимались экономисты³⁴, географы³⁵, медики³⁶. Историки, опираясь на формационный подход к историческому познанию, свое внимание сосредоточили на социально-классовой структуре населения³⁷. Они изучали развитие здравоохранения и народного образования, улучшение бытовых условий трудящихся масс³⁸. А.В. Бакунин, В.А. Цибульникова, И.М. Яскина показали, что недооценка градостроительства в условиях быстрого роста населения Урала в период индустриализации привела к повышенной заболеваемости и смертности горожан³⁹. Между тем власть усилила внимание к проблемам народонаселения и управлению демографическими процессами в регионе. Об этом свидетельствует издание сектором трудовых ресурсов Института экономики Уральского научного центра АН СССР статистического справочника с данными за 1926–1972 гг. о демографической ситуации в регионе под грифом «Для служебного пользования»⁴⁰. Вместе с тем проблемы народонаселения все еще не стали объектом специального изучения историков. Не случайно авторы статьи по историографии истории Урала для Уральской исторической энциклопедии сделали вывод, что с конца 1980-х гг. вопросы исторической демографии выдвинулись на передний план и требовали изучения⁴¹.

³⁴ Вагина Г.Н. Некоторые закономерности естественного движения населения городов Урала // Тр. I-й научной сессии по проблемам развития городских поселений Уральского экономического региона. Пермь, 1968. Вып. 3. С. 24–29; Кузовлев П.М. К истории формирования населения Урала // Проблема формирования и развития населения Урала. Свердловск, 1977. С. 5–24; и др.

³⁵ Анимица Е.Г. Города Среднего Урала. Свердловск, 1975.

³⁶ Селезнева В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству» (1930–1934) // Советское здравоохранение. 1963. № 4. С. 23–29; Тарасенков П.Н. Развитие здравоохранения на Урале в 1928–1937 гг. // Тр. Пермского гос. мед. ин-та. Пермь, 1963. Т. 43. Вып. 2. С. 354–361; Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале. Челябинск, 1970; и др.

³⁷ См.: Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1937 гг.). Свердловск, 1974; Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение). М., 1985; Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925–1932. Свердловск, 1987; и др.

³⁸ См., к примеру: Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970; Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.). М., 1971; Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989; и др.

³⁹ Яскина И.М. Партийное руководство строительством социалистических городов в промышленных центрах Урала в годы первой пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1980; Бакунин А.В., Цибульникова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации: препринт. Свердловск, 1989.

⁴⁰ Косяков П.О., Кузовлев Н.М., Гаврилова Л.И. Население Уральского экономического района: стат. справочник. Свердловск, 1972.

⁴¹ Историография истории Урала / А.В. Бакунин, Д.В. Гаврилов, В.Д. Камынин, И.В. Побережников // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 244.

С 1990-х гг. начинается второй (постсоветский) период в разработке проблем народонаселения. В 1992 г. в Институте российской истории РАН был сформирован Центр изучения истории территории и населения России. В этот период открываются архивы, в научный оборот вводятся ранее засекреченные материалы Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг., текущего учета населения. Началось изучение подготовки и проведения переписей, ученые подвергли сомнению их результаты⁴². Итоги научной дискуссии о достоверности переписи 1937 г. подвела В.Б. Жиромская⁴³, отметившая, что, несмотря на некоторые расхождения в оценках, все исследователи определяли недоучет населения в переписи в пределах 0,3–0,5 %, что свидетельствовало о высокой точности ее данных и беспочвенности выдвигавшихся против нее обвинений. Историк также изучила организацию, проведение, результаты переписи 1939 г., рассмотрела различные точки зрения по вопросу достоверности ее итогов и доказала, что преднамеренная фальсификация численности населения СССР во время переписи 1939 г. составила 1,7, а РСФСР – 1,6 %. Таким образом, материалами переписи можно было пользоваться, но с их корректировкой⁴⁴.

Взросшая источниковая база стала основой для расширения тематики изучения демографических процессов в 1920–1930-е гг. Научная общественность обратилась к исследованию семейно-брачных отношений⁴⁵, воспроизводства населения⁴⁶ и младенческой смертности⁴⁷, проблемы влияния государства на демографические процессы в СССР и насильственных переселений⁴⁸, состо-

⁴² Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 45–56; Он же. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 г. История и материалы. Экспресс-информация, сер. «История статистики». Вып. 3–5 (часть III). М., 1990. С. 6–63; Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М., 1990. С. 174–208; Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: история подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 2. С. 84–104; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; и др.

⁴³ Жиромская В.Б. Из истории подготовки и проведения переписи населения 1937 г. // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов. М., 2007. С. 23.

⁴⁴ Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М., 1992. С. 4–12; Она же. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 469–477; Она же. Население России в переписи 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 8–19.

⁴⁵ Араловец Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003; Она же. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; и др.

⁴⁶ Кириллова Д.А. Рождаемость, смертность и прирост населения СССР в 1933–1939 гг. Чебоксары, 1994; Киселев И.Н. Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. М., 1994. С. 50–67; Араловец Н.А. Смертность городского населения России в 90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.: социально-экологический аспект // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. М., 2003. С. 115–124; Жиромская В.Б. Экология и смертность населения в РСФСР в 1930-е гг. // Там же. С. 103–114.

⁴⁷ Андреев Е.М., Кваша Е.А. Особенности показателей младенческой смертности в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 4. С. 15–20; Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социс. 2003. № 6. С. 46–55; и др.

⁴⁸ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003; Полян П. Не по своей воле...: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; и др.

яния советской статистики⁴⁹, религиозности граждан⁵⁰, борьбы с эпидемиями⁵¹, к оценке людских потерь в годы индустриализации и коллективизации⁵². В работах Е.М. Андреева, Д.Е. Дарского и Т.Л. Харьковой представлена оригинальная методика оценки динамики демографических показателей населения СССР и России⁵³. Появились работы по демографической модернизации России⁵⁴. В постсоветский период стали доступны труды зарубежных исследователей, изучавших демографические процессы в СССР⁵⁵.

Особое значение имеют монографии В.Б. Жиромской. Она впервые в отечественной историографии осветила историю народонаселения России в 1920–1930-е гг. по широкому кругу малоизученных проблем⁵⁶. На основе своей методики раскрыла механизм переучета городского и сельского населения страны в ходе переписей 1937 и 1939 гг., определила величину приписки в 1939 г. не только к городскому населению РСФСР (14 %), но и ее регионов, в том числе к горожанам Пермской и Челябинской областей (2 %). Это позволило уточнить численность россиян. В работе В.Б. Жиромской, посвященной специфике демографической модернизации России⁵⁷, выделены особенности демографической

⁴⁹ Исупов В.А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 2008. № 2. С. 32–36; Фомин Д.А. Какой была довоенная советская статистика? // Вопросы статистики. 2008. № 11. С. 73–86; и др.

⁵⁰ Жиромская В.Б. Верующие и неверующие в 1937 г.: демографическая характеристика (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Население России и СССР: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 24–28; Чумакова Т. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 106–133; и др.

⁵¹ Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001.

⁵² Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е гг. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181; Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26; Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е гг.: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–146; Денисенко М. Демографический кризис в СССР в первой половине 1930-х гг.: оценки потерь и проблемы изучения // Историческая демография: сб. ст. М., 2010. С. 106–142; и др.

⁵³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993; Они же. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.

⁵⁴ Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в России. М., 1998; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006.

⁵⁵ См., к примеру: Максудов С. Некоторые проблемы изучения потерь населения в годы коллективизации // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения: сб. докл. М., 2010. С. 371–400; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город; пер. с англ. Л.Ю. Пантина. 2-е изд. М., 2008; Kulischer E., Roof M. A new look at the soviet population structure of 1939 // American Sociological Review. Jun56. Vol. 21. Issue 3. P. 280–290; Wheatcroft S. Famines and factors affecting mortality in the USSR: The demographic crises of 1918–1922 and 1930–1933 // Famine in history newsletter: An occasional publication for participants in the session on famine in history to be held at the Eighth international economic history congress. Budapest, 1982. P. 1–30; Rosefield S. Excess mortality in the Soviet Union: a reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization 1929–1949 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35 (3). P. 385–409; Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers Du Monde Russe. 2001. Vol. 42 (2–4). P. 477–503; и др.

⁵⁶ Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в середине 1920-х гг. М., 1996; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

⁵⁷ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

транзиции, затянувшие ее до середины XX в. Историк отстаивает идею прерывистости демографического перехода в стране. Знаковой стала монография В.А. Исупова с анализом зависимости пертурбационного развития демографической сферы СССР от функционирования тоталитарного государства⁵⁸. Ученый пришел к выводу, что демографический кризис стал хроническим явлением страны, в 1920–1930-е гг. он дважды перерастал в катастрофы, совпадавшие по времени с крупнейшими социальными потрясениями в СССР. Среди обобщающих работ постсоветского периода выделяется коллективная монография «Население России в XX веке»⁵⁹ Авторы рассмотрели демографические процессы в 1920–1930-е гг. в органической связи с историческими событиями и социально-политическими катаклизмами, которые переживала страна.

В последние десятилетия стало ясно, что в такой огромной стране как Россия исследование развития народонаселения невозможно без анализа региональной специфики демографических процессов. В постсоветский период усилилось изучение городского населения в 1920–1930-х гг. в регионах⁶⁰.

С начала 1990-х гг. на Урале вырос интерес к историко-демографической проблематике. Ученые исследуют процессы урбанизации в регионе⁶¹, проблемы естественного движения населения, материнства и младенчества⁶², масштабы и последствия демографических катастроф начала 1920-х и 1930-х гг.⁶³, социальную структуру населения⁶⁴, семью⁶⁵, миграции⁶⁶, спецконтингент⁶⁷, анализиру-

⁵⁸ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

⁵⁹ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 1 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2000.

⁶⁰ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Чолахян В.А. Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. – 1930-е гг.). Саратов, 2008; Макаренко М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX в.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2009; и др.

⁶¹ Оруджиева А.Г. Динамика численности населения Урала в советский период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 29–38; Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006; Валитова О.И. Рабочие поселки Свердловской области в 1920–1990-е гг.: проблемы и перспективы развития // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 54–69; и др.

⁶² Мирошниченко М.И. Женщины на Урале в 1920–1935 гг. Челябинск, 2013; и др.

⁶³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Корнилов Г.Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 65–69; Баранов Е.Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг. (на материалах Урала) // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. «Проблемы образования, науки и культуры». 2012. Т. 104. № 3. С. 219–227; и др.

⁶⁴ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.

⁶⁵ Кузьмин А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993; Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001; и др.

⁶⁶ Оруджиева А. Одни – на Запад, другие – на Восток: миграционные процессы на Урале // Родина. 2001. № 11. С. 81–83; Корнилов Г.Е., Павлова О.В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи 1926 года) // Уральский исторический вестник. 2003. Вып. 9. С. 210–226; и др.

ют материалы переписей⁶⁸. Медики продолжили изучение состояния здравоохранения в крае в 1920–1930-е гг. как важнейшего условия снижения смертности населения⁶⁹. Ученые обратились к исследованию этнодемографического развития региона⁷⁰. Важное значение для понимания историко-демографических процессов на Урале имеют работы Г.Е. Корнилова, посвященные деревне в годы Великой Отечественной войны⁷¹. Автор приводит данные за предвоенный период, сравнивая сельские показатели с городскими. В постсоветский период появились работы по историко-демографическому анализу населения отдельных городов Урала в 1920–1930-е гг.⁷²

В последние десятилетия уральские ученые обратились к осмыслению демографических процессов в регионе. В.В. Алексеев и А.И. Кузьмин⁷³ определили особенности демографического перехода к современному типу воспроизводства населения на Урале и сделали вывод, что до Великой Отечественной войны регион не завершил вторую фазу демографической трансформации. Итогом демографических исследований в крае стало появление коллективной монографии, посвященной населению Урала в XX в.⁷⁴, основанной на теориях демографического и миграционного переходов. Впоследствии уральские ученые уточняли начало и конкретизировали особенности демографического и миграционного переходов на Урале⁷⁵. Отдельные аспекты развития городского населения

⁶⁷ Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920-е – начало 1950-х гг.: в 2 ч. Нижний Тагил, 1996. Ч. I; Суслов А.В. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург; Пермь, 2003.

⁶⁸ Мотревич В.П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: История, историография: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 108–117; Москвина Е.В. Национальный состав населения Урала накануне Великой Отечественной войны (По материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 226–235; и др.

⁶⁹ Селезнева В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997; и др.

⁷⁰ Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход) / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2000; Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009.

⁷¹ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Он же. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

⁷² Кузьмин А.И., Оруджева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского гос. ун-та. 1998. № 9. С. 95–100; Тараканов М.Ю. Население Нижнего Тагила в конце XIX – первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 26–29; Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3 (23). С. 96–100; Она же. «Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 158–180; Чашин А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940-х гг. // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. «История, филология». 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 277–281; Он же. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». Тамбов, 2010. Вып. 1 (81). С. 272–278; и др.

⁷³ Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Особенности демографического перехода на Урале // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 8–18.

⁷⁴ Население Урала. XX век. История демографического развития / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1996.

⁷⁵ Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 48–57; Он же. Эволюция младенческой

Урала в 1920–1930-е гг. представлены в кандидатских диссертациях О.В. Павловой и М.Ю. Тараканова⁷⁶.

Значимость и востребованность демографической тематики на Урале проявилась в том, что с 2008 г. в Сыктывкаре издается научный журнал «Историческая демография» (главный редактор И.Л. Жеребцов); с 2010 г. в Екатеринбурге ежегодно проводится Уральский демографический форум, в составе которого действует секция исторической демографии.

Анализ историографии темы показывает, что история народонаселения России и ее регионов привлекает все больше внимания ученых. Прделана большая работа по всестороннему и глубокому изучению как населения СССР и России в целом, так и горожан. Значительный вклад в разработку историко-демографической проблематики внесли уральские историки. Вместе с тем многие вопросы по-прежнему остаются малоизученными. До сих пор нет обобщающего исследования по городскому населению Урала в 1920–1930-е гг.

Во втором параграфе «Методология исследования» указывается, что исследование основывается на комплексе теоретических представлений макро-, мезо- и микроуровней. Представление макроуровня составляет теория модернизации. В современном понимании модернизация – это процесс трансформации традиционного, аграрного общества в современное, индустриальное. На основе теории модернизации современные ученые (В.В. Алексеев, И.В. Побережников и др.) сформулировали регионально-ориентированную модель анализа исторических изменений, позволяющую увидеть региональную специфику в развитии городского населения Урала.

Важными составляющими модернизационных преобразований России стали урбанизационный, демографический и миграционный переходы. Урбанизационный переход, по мнению А.С. Сенявского, ведет к радикальному преобразованию всего общества на «городских началах». Теория демографического перехода обосновывает демографические изменения в обществе в рамках процесса модернизации и является теоретико-методологической базой для объяснения смены типов воспроизводства горожан. В России универсальную теорию демографических изменений разработал А.Г. Вишневский. Для данного диссертационного исследования особое значение имеет демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства. Составной частью демографической модернизации общества является концепция эпидемиологического перехода А. Омрана. Суть ее в том, что каждая историческая эпоха имеет свой тип патологии, определяющий характер заболеваемости и смертности населения. Концепция миграционного перехода А. Зелинского дополнила теорию де-

смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89; Голикова С.В. Начало демографического перехода: вариант горнозаводского Урала // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 2013. С. 261–266; Тараканов М.Ю. Влияние демографического перехода на естественное движение населения Нижнего Тагила в XX в. // Там же. С. 302–307.

⁷⁶ Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004; Тараканов М.Ю. Население Нижнего Тагила в XX в.: историко-демографический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

мографического перехода. Синтез концепций модернизации и урбанизации, демографического, эпидемиологического и миграционного переходов позволяет всесторонне изучить развитие городского населения Урала в 1920–1930-е гг.

Методология мезоуровня сформирована на основе теории народонаселения. Она дает возможность для интеграции в единое целое разрозненных знаний о развитии городского населения Урала и построения модели его формирования на региональном уровне, которая согласуется с базовыми теориями модернизации и урбанизации.

Методология микроуровня позволяет исследовать группы, составляющие городское население Урала, по половозрастному, образовательному, национальному, религиозному и прочим признакам, а также население конкретных городских поселений Урала.

Осмысление и методологическая обработка конкретных исторических процессов потребовали применения ряда принципов и методов научного исследования. Основополагающими принципами работы явились принципы объективности, историзма и системности. В основу построения диссертации положен проблемно-хронологический принцип. В работе применялись как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция), так и традиционные и специальные методы исторического познания. К традиционным относятся историко-генетический (для анализа причинно-следственных связей изучаемого явления), сравнительно-исторический (для выявления специфики развития горожан Урала в указанный период), историко-системный, метод историко-динамического анализа (для систематизации и упорядочения статистического материала). Специальные методы включают статистико-демографические методы (для работы с данными текущей статистики), метод описательной статистики (для систематизации процессов развития городского населения в таблицах).

Во второй главе «Источники данных о городском населении» изучаются основные процессы получения демографической информации о городском населении Урала. В **первом параграфе «Организация переписей населения в городах в 1920-е гг.»** рассматривается подготовка и проведение переписей в указанное десятилетие, их материалы были важны для прогнозирования социально-экономического развития страны. Полнота и точность сведений, выявленных переписью, зависели от степени охвата ею населения. Подготовка к Всероссийской переписи населения 1920 г. на Урале проходила в обстановке формирования статистических органов, которые за короткий срок выполнили большую работу по ее организации и проведению. В уральских городах перепись прошла в установленные ЦСУ сроки, за исключением некоторых городских поселений Пермской губернии, в которых она началась с опозданием, и Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии, где нарушили сроки ее окончания. Но итоги переписи, проводившейся в условиях Гражданской войны, повлиявшей на население, быстро потеряли свою актуальность.

В марте 1923 г. состоялась городская перепись, отразившая изменения в населении под воздействием неурожая и голода 1921 г., закрытия нежизнеспособных и укрепления крепких предприятий и выявившая влияние нэпа на социальный состав горожан. Для успешного проведения переписи в губерниях были

сформированы переписные комиссии из работников статистических органов. Они скорректировали списки городских поселений Урала, сформировали массовые переписные кадры и проинструктировали их. В помощь статистикам в горпоселениях были созданы комиссии содействия переписи из представителей местных органов власти. Проведенная подготовительная работа способствовала успешному осуществлению переписи, что отразилось на ее итогах.

Наиболее масштабной и тщательно подготовленной стала перепись 1926 г., призванная показать достижения за годы нэпа. В городских поселениях Урала была проведена организационная, техническая и разъяснительная работа по подготовке к переписи, которая обеспечила ее успех, несмотря на возникшие в ходе нее трудности с составлением планов городских поселений. После завершения переписи были подведены ее предварительные итоги. Уральские статистики считали их удовлетворительными, разница между ними и окончательными результатами была незначительной – около 0,15 %. Данные переписи были опубликованы в полном объеме.

Во втором параграфе «Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1937 г. в городах» указывается, что социально-экономические преобразования в СССР в годы индустриализации вызвали необходимость новой переписи, но она постоянно откладывалась. 5 января 1931 г. в Магнитогорске состоялась региональная перепись. Общесоюзная была намечена на 6 января 1937 г. Областное и городское партийно-советское руководство взяло под особый контроль подготовку к ней. Ответственными за проведение переписи стали областные УНХУ и их органы в городах. При облУНХУ были созданы Бюро переписи населения, которые руководствовались организационными планами, утвержденными УНХУ РСФСР. Была развернута работа по составлению планов городских поселений, в целом все города Урала и большинство рабочих поселков получили их, но качество, к примеру, планов городов Челябинской области было низким и затруднило точное определение городской черты. Особое внимание уделили подбору и подготовке переписных кадров, т.к. перепись должна была быть однодневной, ее успех зависел от работы счетчиков. Все участники переписи сдали технический экзамен. Была развернута массово-разъяснительная работа среди населения, наиболее эффективной формой которой стала устная агитация. Накануне переписи состоялось предварительное заполнение переписных листов. Подготовительная работа обеспечила организованное и четкое проведение переписи. Но итоги ее не соответствовали ожиданиям советского руководства, организация переписи была признана неудовлетворительной, ее материалы – «дефектными». В диссертации прослеживается судьба организаторов переписи на Урале, часть из них была репрессирована.

В третьем параграфе «Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1939 г. в городах» подчеркивается, что вопрос о численности городского населения приобрел более значимый политический характер, чем в 1937 г. Был выдвинут лозунг: «Не пропустить ни одного человека». Впервые предусматривалась уголовная ответственность за уклонение от переписи и дачу заведомо неверных сведений. Подготовка к переписи совпала с формированием на Урале Пермской области. При облУНХУ вновь созданы Бюро переписи

населения с их структурами в крупных городах. Областные и городские власти взяли под свой контроль подготовку к переписи и не ослабляли его вплоть до сдачи материалов в ЦУНХУ и УНХУ РСФСР. Техническая подготовка к переписи помимо традиционных работ (формирование перечня населенных мест и их планов, определение границ переписных участков и проч.) включала составление квартальных списков городских домовладений. В ходе декабрьской проверки домовых книг в городах Пермской области было дополнительно выявлено около 20 тыс., а в Свердловской области в целом – около 50 тыс. чел., в Челябинске было пропущено 270 домовладений. Привели в порядок городское хозяйство. Все участники переписи обсуждались и утверждались на заседаниях обкомов и горкомов ВКП (б), облисполкомов и горсоветов, прошли обучение и индивидуальную проверку знаний. Агитационно-массовая работа среди населения велась на родном языке респондентов, имела разные формы (доклады, беседы, митинги, единые политдни, громкие читки агитационных материалов, печатные материалы, радиопередачи, лыжные походы и проч.) и не была свернута с началом переписи, как раньше, а продолжалась весь ее период. Повсеместно были созданы комиссии содействия, в задачу которых входила не только массово-разъяснительная работа среди населения, но и помощь переписным комиссиям в подготовке и проведении переписи. Перепись 1939 г. в уральских городах прошла в установленные сроки при активном участии и сознательности населения. Все возникавшие по ходу нее проблемы решались оперативно, что обеспечило полноту и хорошее качество переписного материала.

В четвертом параграфе «Становление и развитие системы текущего учета населения в городах» рассматривается процесс формирования текущей статистики в городских поселениях Урала. В первые годы советской власти была создана правовая основа для статистики естественного движения населения; регистрация актов гражданского состояния была передана органам государства. Для налаживания работы по демографической статистике была унифицирована документация по воспроизводству населения, бракам и разводам; приняты меры по точному выполнению инструкций при разработке статистических карточек естественного движения горожан; Уралстатбюро совместно с облздравотделом уточнило классификацию причин смерти населения. В итоге основная масса демографических событий стала попадать в статистическую отчетность. Текущий учет естественного движения населения дал возможность уловить основные тенденции в воспроизводстве горожан Урала в 1920-е гг. Индустриализация оказала негативное влияние на демографические процессы. С начала 1933 г. были засекречены данные о воспроизводстве населения, в июне 1934 г. загсы переданы в ведение НКВД, что затруднило получение органами НХУ информации о естественном движении населения. Во второй половине 1930-х гг. были приняты меры к улучшению сбора демографических данных: с января 1936 г. введено свидетельство о рождении специальной формы, с июля того же года узаконен порядок и сроки регистрации демографических событий, определены сроки представления загсами сведений в органы НХУ.

Учет миграций, в отличие от учета воспроизводства городского населения, долгое время находился в зачаточном состоянии. Основой для него стало вве-

дение прописки горожан в 1925 г. Учет и регистрация жителей городов возлагались на адресные столы. Но в 1928 г. разработка материалов миграций охватывала 14 % городов, хотя в них проживало до 42,5 % горожан Урала. Для усиления административного учета и контроля миграций с декабря 1932 г. в СССР вводится паспортная система, в городах создаются паспортные столы. В 1935 г. облУНХУ Урала поручили местным органам НХУ разработку материалов по механическому движению горожан. Перепись 1937 г. выявила несоответствие между данными переписи и исчислением населения накануне нее. Одной из причин этого стали недостатки в осуществлении учета миграций. Были приняты дополнительные меры по совершенствованию работы милиции, адресных столов, домоуправлений по правильной регистрации прибывших и выбывших, что позволило улучшить ситуацию с учетом миграций в городах Урала, но реализовать его в полном объеме так и не удалось.

Важную роль в сборе данных о населении играли статистические органы. На Урале они сформировались позже, чем в Европейской части РСФСР, – после восстановления советской власти в крае в 1919 г. В работе рассматривается их структура и функции в 1920–1930-е гг. В биографическом справочнике приведены данные о работниках органов статистики и НХУ Урала.

Третья глава «Динамика численности городского населения» посвящена исследованию важнейших показателей урбанизации – городской поселенческой сети и численности горожан, их доли в общем населении региона. В **первом параграфе «Городские поселения в 1920–1930-е гг.»** анализируется деятельность органов статистики и НХУ по упорядочению городской поселенческой сети, от которой зависела численность городского населения. В 1920-е гг. уточнялось понятие «городское поселение». В 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР определили его критерии (численность взрослого населения и его занятия), которые легли в основу статистического списка городских поселений, существовавшего до 1939 г. Он был шире обычного списка, включавшего городские поселения, признанные таковыми в законодательном порядке. Накануне переписи 1926 г. был скорректирован список горпоселений. Если на Урале в 1920 г. насчитывалось 239 городских поселений, в том числе 39 городов, в 1923 г. соответственно – 205 и 47, то в 1926 г. – 159 и 31. В дальнейшем развитие городской поселенческой сети Урала пошло по пути, во-первых, ее расширения за счет возникновения новых городов (Магнитогорск) и административного преобразования населенных пунктов в городские. В 1939 г. (в границах Пермской, Свердловской и Челябинской областей) было 47 городов, не считая рабочих поселков, в то время как в 1937 г. – 39. Во-вторых, активно шел процесс законодательного оформления городов. Всего за 1926–1939 гг. в границах Пермской, Свердловской и Челябинской областей статус города получили 27 поселений, из них 5 – в 1926 г., остальные – в 1930-е гг. В-третьих, произошли изменения в размещении городского населения Урала. Если в первой четверти XX в. 90 % его было сосредоточено в окружных городах и поселениях при заводах, что было спецификой региона, то в конце 1931 г. 74,4 % горожан проживало в индустриальных центрах. Под воздействием индустриализации развитие городов пошло по пути формирования крупных центров вокруг промышленных гиган-

тов. В 1939 г. в пяти городах с населением от 100 тыс. чел. и выше было сосредоточено 35,8 % всех горожан, а в 121 городском поселении численностью менее 20 тыс. чел. – 31,7 %, в то время как в 1926 г. соответственно – 9,8 и 56,2 %.

С 1926 г. шел процесс упорядочения городской территории. В 1937 г. для определения территории города был принят чисто формальный признак – черта сплошной застройки, которая не всегда совпадала с границами города. В 1939 г. административные границы городского поселения стали полностью совпадать с его переписными границами.

Во втором параграфе «Городское население по переписям 1920-х гг.» анализируются численность и особенности половозрастного состава городского населения Урала в годы нэпа. По переписи 1920 г. в границах 4-х губерний, впоследствии вошедших в Уральскую область, в городских поселениях проживало 1117815 чел. (7 % горожан Советской России). К городской переписи 1923 г. численность горожан сократилось на 12,4 % в связи с тяжелым экономическим и эпидемиологическим положением края, демобилизацией части военнослужащих (они вошли в итоги переписи 1920 г.) и возвращением их на родину. Но в Свердловске, Алапаевске, Оханске, Ялуторовске численность жителей увеличилось из-за сравнительно благоприятных условий для жизни. Только с 1924 г. под влиянием позитивных перемен в экономике начался постепенный рост городского населения, численность которого составила по переписи 1926 г. 1407074 чел. или 20,8 % от всех жителей Уральской области, вместо 19 % в 1920 г., что превысило общесоюзные (17,9 %) и общероссийские (18 %) показатели. По уровню урбанизации регион уступал Центрально-Промышленному району (25,6 % горожан), но превосходил Сибирский край (13 %). В промышленно развитом Горнозаводском Урале доля городского населения уже в 1920 г. составила 47,7, а в 1926 г. – 50,7 %, еще до советской индустриализации он стал превращаться в преимущественно урбанизированный район. В 1926 г. на Урале проживало 5,3 % горожан СССР и 8,4 – РСФСР.

Первая мировая и Гражданская войны тяжелее сказались на мужском населении региона. Возвращение в города демобилизованных и беженцев, восстановление экономики сократили половой дисбаланс с 1182 женщин (1920 г.) до 1162 (1923 г.) и 1117 (1926 г.) на 1000 мужчин. Восстановление нормального соотношения мужчин и женщин шло быстрее в городских, чем в сельских поселениях. Но разрыв между полами в конкретных возрастных когортах сохранялся и влиял на воспроизводство городского населения. Войны повлияли на долю трудоспособных горожан. В 1920-е гг. их было меньше среди мужчин, чем женщин. Но специфика Урала проявилась в том, что потери мужчин среди трудоспособных были ниже, чем по стране в целом. Это создало основу для быстрого восстановления людского потенциала Урала. В целом нэп способствовал относительно демографическому благополучию в городах края.

В третьем параграфе «Городское население в период промышленной модернизации 1930-х гг.» исследуется изменение численности городского населения под воздействием форсированной индустриализации Урала. За 1928–1932 гг. численность горожан увеличилась в два, а жителей области – в 1,1 раза. В 1929–1931 гг. были зафиксированы самые высокие темпы прироста городско-

го населения региона в период индустриализации (от 15,1 % в 1929 г. до 29,3 % в 1931 г.). Удельный вес горожан поднялся с 21,7 (1928 г.) до 36,9 (1932 г.) %, что по-прежнему превышало общесоюзный (24,3 %) и общероссийский (25,1 %) уровни. Промышленная модернизация повлияла на соотношение полов и возрастной состав городов Урала. Из-за притока мужчин шел процесс выравнивания полов, к началу 1933 г. доля мужчин среди горожан возросла до 49,9 %. Города пополнялись трудоспособными мигрантами, что привело к росту горожан в возрасте 16–59 лет, к концу 1931 г. их доля среди жителей городов поднялась до 64,1 %. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем.

Предварительные итоги переписи 1937 г. оказались ниже данных исчисления городского населения накануне нее, разница составила в Свердловской области 11,5, Челябинской – 12,6 %. Но результаты переписи свидетельствовали о высоких темпах урбанизации Урала. За 1926–1937 гг. городское население Свердловской области увеличилось в 2,5 раза, а Челябинской – в три, тогда как СССР и РСФСР – в два раза. Для удвоения городского населения США потребовалось 30, Англии – 60, Франции – свыше 60 лет. В 1937 г. доля горожан в населении Свердловской области составила 51, Челябинской – 43,6 %, а СССР – 31,6 и РСФСР – 33,1 %. Перепись выявила углубление дисбаланса между полами в городах Свердловской области и сокращение его в Челябинской.

Предварительные итоги переписи 1937 г. показали, что спецконтингенты «Б» и «В» НКВД были сосредоточены в Челябинской области в основном в городской (84,3 % их), Свердловской – сельской (65,2 %) местности. Их доля среди горожан Свердловской области составила 1,6 %, Челябинской – 6 %. Наибольшая часть спецконтингента находилась в Магнитогорске, в котором его удельный вес составил 22 % среди горожан. В остальных городах его доля не превышала 5,6 %. Подавляющее большинство спецконтингента составили мужчины, что должно было смягчить проблему диспропорции полов в городах. Таким образом, спецконтингент составлял незначительную часть городского населения Урала, даже на его новостройках.

В феврале 1937 г. была проведена проверка полноты учета населения в регионе, в том числе по линии НКВД, выявившая единичные случаи пропуска респондентов. Предварительные итоги переписи 1937 г. были достоверны.

В четвертом параграфе «Городское население по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.» анализируются итоги переписи 1939 г., которая подтвердила быстрый рост горожан Урала. За 1926–1939 гг. их численность увеличилась в Челябинской области более чем в три раза, Пермской и Свердловской – более чем в 2,5, а в СССР и РСФСР – более чем в два раза. В итоге изменилось соотношение между жителями городской и сельской местности. Доля горожан в населении Свердловской области поднялась с 33,7 до 59,9 %, Челябинской – с 16,5 до 42,2, Пермской – с 18,2 до 39,6, а СССР – с 17,9 до 32,9 и РСФСР – с 18 до 33,7 %. По уровню урбанизации Свердловская область уступала только двум, Челябинская – семи регионам РСФСР. За годы промышленной модернизации края выросла доля Урала (в границах трех областей) в городском населении СССР с 4,8 (1926 г.) до 6,2 % (1939 г.) и РСФСР соответственно – с 7,5 до 9,5 %.

Население уральских городов было молодым, лица до 30 лет составили 64 % горожан, что явилось общероссийской спецификой. В городах было меньше, чем в селах, детей и подростков до 14 лет, но больше молодежи 15–29 лет и лиц зрелого возраста, что также соответствовало общероссийской тенденции и объяснялось более высокой рождаемостью на селе и активной миграцией селян в города. Доля лиц трудоспособного возраста достигала в городах Пермской области 64 %, Свердловской – 62,1 и Челябинской – 61,2 %, что было ниже аналогичного показателя по РСФСР (65,5 %), но выше, чем по уральскому селу (не превышал 52,9 %). Среди трудоспособных отсутствовал серьезный дисбаланс между полами.

Четвертая глава «Основные источники формирования городского населения» посвящена естественному и миграционному движению горожан. В первом параграфе «Демографическая катастрофа в городах в начале 1920-х гг. и основные направления ее преодоления» указаны причины резкого увеличения смертности населения уральских городов, приведшие к демографической катастрофе. Это: хозяйственная и коммунальная разруха вследствие Гражданской войны; засуха и неурожай 1921 г., повлекшие за собой голод; ухудшение эпидемиологической обстановки; усилившаяся миграция населения из голодавших губерний Европейской России. Для снижения колоссальной смертности населения в городских поселениях края были созданы чрезвычайные органы с широкими полномочиями; решалась проблема с кадрами медиков; инфекционные больные изолировались в лечебных учреждениях; на транспорте были организованы изопробункты; применялись предохранительные прививки; осуществлялись дезинфекционные, санитарные и гигиенические мероприятия. Для снижения вредных последствий использования в пищу суррогатов разрабатывались рецепты из них. Для сохранения производственных коллективов были налажены государственные поставки продовольствия. В городах открылись питательные пункты и столовые. Для спасения детей началась их эвакуация в благополучные районы страны. Значительную помощь голодавшим оказали зарубежные общественные организации. Уже в 1923 г. эти меры дали положительный результат. Работники здравоохранения Уралобласти констатировали повсеместное резкое сокращение смертности, городские поселения преодолели демографическую катастрофу.

Во втором параграфе «Естественное движение городского населения в 1924–1928 гг. и меры по его улучшению» анализируется воспроизводство горожан. С 1924 г. городские поселения Урала вступили в непродолжительный период компенсаторной рождаемости. В 1925–1926 гг. коэффициенты рождаемости (соответственно – 50,3 и 51,4 ‰), смертности (29,7 и 26,6 ‰) и прироста (20,6 и 24,8 ‰) горожан края превосходили аналогичные показатели по Европейской части РСФСР (36,1 и 34,6; 18,9 и 17,8; 17,2 и 16,8 ‰). С середины 1920-х гг. наметился устойчивый тренд к снижению рождаемости при сохранении достаточно высокой, но нестабильной смертности, что привело к неустойчивому сокращению прироста городского населения (рис. 1).

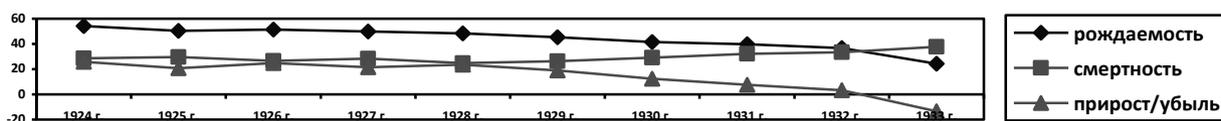

Рис. 1. Динамика коэффициентов естественного движения городского населения Урала в 1924–1933 гг. (‰).

Статистика фиксировала более частые случаи смерти горожан по сравнению с горожанками: доля мужчин среди умерших составляла 52,7–53,5 %. Основными причинами смерти населения были экзогенные заболевания. Дети до 9 лет умирали в основном от воспаления легких, детских инфекций, диареи и энтерита; трудоспособные – туберкулеза, болезней сердца, воспаления легких. Продолжительность жизни мужчин составляла 34,5 года, женщин – 41,2, а в городах Европейской части РСФСР соответственно – 42 и 47 лет. Основными направлениями деятельности городских властей по снижению смертности населения стали: расширение организационных возможностей городской медицины за счет увеличения ассигнований на здравоохранение, рост медицинских кадров и лечебной сети, создание специализированной медицинской помощи, санитарно-просветительная работа среди населения; рост грамотности и культурного уровня горожан; улучшение санитарного состояния городов. Но в 1920-е гг. не удалось изменить структуру смертности горожан.

В третьем параграфе «Естественное движение городского населения в условиях промышленной модернизации края (1929–1939 гг.)» изучается влияние индустриализации на воспроизводство жителей городов Урала. В годы первой пятилетки сохранилась тенденция к уменьшению коэффициента рождаемости (см. рис. 1), но этот закономерный для периода индустриализации процесс сопровождался резким повышением коэффициента смертности. С января 1933 г. по июнь 1934 г. уральские города оказались в состоянии демографической катастрофы, которая длилась дольше, чем в городах СССР (февраль 1933 г. – март 1934 г.). Демографические потери городского населения на Урале были значительнее, чем в городах РСФСР и сопредельных территорий. В 1933 г. они достигли в регионе 13,5 ‰ против 9,2 в РСФСР, 9,8 в Восточно-Сибирском крае, 8,1 в Башкирской АССР. Наибольшие людские потери были в индустриальных центрах, убыль горожан в них началась раньше и длилась дольше, чем в других городах Урала. Причиной резкого увеличения смертности стал массовый приток мигрантов, обостривший жилищно-коммунальные проблемы, ухудшивший санитарно-эпидемиологическую обстановку в городах и приведший к масштабным эпидемиям в них. Для борьбы с высокой смертностью были созданы чрезвычайные органы, централизовавшие эту работу; приняты меры по раннему выявлению и госпитализации заболевших, решению проблемы с медицинскими кадрами; был осуществлен комплекс оздоровительных мероприятий и усилена санитарно-просветительная работа среди горожан. Эпидемии остроинфекционных заболеваний получили широкий размах и оказали такое негативное влияние на воспроизводство горожан, так как были дополнены перебоями в обеспечении населения продовольствием, что привело к хрониче-

скому недоеданию и голоду 1932–1933 гг. Только с лета 1933 г. произошли качественные изменения в снабжении горожан продовольствием и в организации общественного питания.

Демографическая регенерация началась в уральских городах со второй половины 1934 г., резко сократилась смертность, был восстановлен естественный прирост населения. С 1935 г. в городах Урала отмечен рост рождаемости, пик которой пришелся на 1937 г. и был во многом обусловлен запретом на аборт. В дальнейшем вновь проявился тренд к ее снижению, связанный с воздействием промышленной модернизации на репродуктивное поведение горожанок. В целом во второй половине 1930-х гг. коэффициенты прироста горожан были нестабильными, но наметилась тенденция к их сокращению за счет уменьшения рождаемости и неустойчивого снижения смертности.

В 1933–1939 гг. городское население Урала по-прежнему умирало в основном от экзогенных болезней. Благодаря работе органов здравоохранения наметились качественные изменения в причинах смерти. Удалось победить натуральную оспу, снизить летальность от тифа, но возросла смертность от малярии и осталась высокой летальность от туберкулеза и детских инфекций. Под воздействием индустриализации выросло число смертей от травматизма и ухудшения экологии поселений.

В четвертом параграфе «Младенческая смертность и состояние охраны материнства и младенчества» указывается, что одной из серьезных проблем воспроизводства городского населения Урала была значительная младенческая смертность, обесмысливавшая высокую рождаемость. В 1924–1927 гг. доля детей до года среди умерших горожан достигала 44 %. Коэффициенты младенческой смертности составили в 1924 г. 231,4 ‰, 1925 г. – 263,8, 1926 г. – 229,8, 1927 г. – 248,3, 1928 г. – 203,8 ‰ и превысили уровень 1926 г. по городам СССР (161,6 ‰) и РСФСР (157,5 ‰). В 1926 г. регион по этому показателю уступал только городским поселениям Марийской автономной области. Для снижения младенческой смертности на Урале была создана гинекологическая служба, призванная заботиться о здоровье женщины, родовспоможения все чаще оказывались в условиях стационара, было положено начало медицинскому обслуживанию новорожденных. Эти меры привели к снижению коэффициента смертности горожанок от родовой горячки и заражения крови при родах с 2,9 (1924 г.) до 0,8 (1928 г.) ‰ и младенцев от болезней новорожденных с 202,4 (1926 г.) до 161,6 (1928 г.) ‰.

В 1929–1932 гг. в городах Урала на фоне снижения рождаемости выросли коэффициенты младенческой смертности с 235,4 до 279,5 ‰, достигнув своего пика в 1933 г., когда скончалась примерно треть родившихся. Эти показатели оставались высокими и в последующие годы, что вызвало тревогу у областных и городских властей и работников НХУ. Повышение младенческой смертности было связано с ухудшением материальной базы здравоохранения из-за резкого роста численности горожан в годы индустриализации. Постановление ЦИК и СНК СССР о запрещении абортов (1936 г.) способствовало ускорению строительства роддомов в крае и более полному охвату рожениц акушерской помощью. В 1930-е гг. уральские врачи внедрили методы обезболивания родов. Бы-

ли приняты меры по выхаживанию новорожденных: в городах расширился патронаж, создавались молочные кухни, росло число женских и детских консультаций и яслей. Но добиться снижения смертности горожан по причинам болезней беременных и новорожденных к концу 1930-х гг. не удалось.

Определенное влияние на рождаемость горожан оказали аборты. В 1936 г. в городских поселениях Свердловской области на 1000 родов приходилось 336 абортов. Главной причиной их стали материальные трудности. В 1936 г. аборты были запрещены, но выросло число криминальных абортов, нередко заканчивавшихся смертельным исходом. Если в городах Свердловской области от абортов умерло в 1935 г. 0,7 ‰, то в 1937–1938 гг. – 0,8.

В пятом параграфе «Миграционное движение городского населения» отмечается, что вплоть до первой четверти XX в. городским поселениям края была свойственна низкая миграционная активность, характерная для доиндустриального общества. На первой фазе миграционного перехода в первой половине 1920-х гг. выделяются два периода. В 1920–1922 гг. регион оказался под воздействием Первой мировой и Гражданской войн и голода, в 1923–1926 гг. – районирования края и восстановления его экономики. За это время в городские поселения Урала переселилось свыше 52 % всех мигрантов. Большинство их составляли женщины и лица трудоспособного возраста, свыше 48 % прибывших принадлежали к самодеятельным, среди которых рабочих было 37,7 %, служащих – 37,4 %; свыше половины пополнения горожан – внутренние мигранты. Основная часть внешних мигрантов прибыла из Вятского, Средне-Волжского и Центрально-Промышленного районов.

Вторая фаза миграционного перехода (середина 1920-х – конец 1950-х гг.) связана с индустриализацией и коллективизацией, вызвавших массовое движение людей в города. Уже в 1926–1927 гг., по данным 22 городов Урала, естественный прирост населения был почти в четыре раза меньше механического. В условиях падения воспроизводства населения и даже его убыли, особенно в 1930–1934 гг., быстрый рост численности горожан был возможен только за счет миграций. Основным источником пополнения жителей городов оставались селяне, их доля среди мигрантов была в 1931–1932 гг. – 71,5 %, 1934 г. – 57,3. С мая 1931 г. на новостройки края стали прибывать спецпереселенцы из разных регионов СССР. Большинство мигрантов по-прежнему составляли трудоспособные, прежде всего рабочие и служащие. В 1930-е гг. новые контингенты горожан были не только выходцами из внутренних регионов Урала, но и сопредельных территорий, для Челябинской области это Башкирская АССР, для Свердловской – Кировский край. Много мигрантов было из Поволжья, но переселенцы из Татарской АССР предпочитали города Свердловской области. Горожане Урала активно пополнялись жителями Москвы и Ленинграда. Остальные регионы СССР не играли существенной роли в формировании контингентов горожан Урала. Вместе с тем в городах оседало только около трети мигрантов из-за тяжелых условий труда и быта на Урале. Формами комплектования городского населения стали биржи труда, «самотек», организационный набор.

Пятая глава «Состав городского населения» состоит из трех параграфов. В первом параграфе «Социально-экономическая структура и занятия

городского населения в годы новой экономической политики» исследуется социальный состав городских поселений, отраслевая структура занятости и профессиональная структура городского населения в годы нэпа. Послевоенный экономический кризис привел к сокращению доли самодельных среди горожан с 44,8 (1920 г.) до 37,8 % (1923 г.), восстановление хозяйства способствовало ее росту до 42,2 % (1926 г.). Особую роль в экономике края играли мужчины. В 1920-е гг. свыше половины горожан и только до четверти горожанок имели самостоятельный источник дохода. Большинство самодельных составляли рабочие и служащие. Свыше половины рабочих проживало в Горнозаводском Урале; 99,5 % их было задействовано в социалистическом секторе экономики, что превышало аналогичный показатель по СССР (98,2 %). Среди рабочих преобладали металлисты. Специфика Урала заключалась в том, что рабочие, в отличие от Европейской России, были сконцентрированы в негубернских и неокружных городских поселениях; служащие – в административно-территориальных центрах.

Возрождение рыночных отношений в 1920-е гг. привело к устойчивому росту численности хозяев в уральских городах, к ним относились хозяева с наемными рабочими, хозяева, работавшие с членами семьи, и хозяева-одиночки. Доля хозяев с наемными рабочими не выходила за пределы 0,3–0,4 % среди занятых горожан и была ниже показателей по СССР и РСФСР (0,7 %) и Сибири (14 %) в 1926 г. В 1923 г. большинство хозяев (51,6 %) занималось сельским хозяйством, но в 1926 г. их удельный вес в этой отрасли сократился до 33,1 %; зато выросла доля хозяев в кустарно-ремесленной промышленности (с 26,6 до 37,8 %). Увеличилась численность хозяев, занятых и в других отраслях. Частный капитал не получил развития в крупной промышленности региона. Основную часть хозяев составили ремесленники и кустари, занимавшиеся производством товаров широкого потребления и бытовых услуг.

В 1920-е гг. среди горожан были безработные, хотя за 1923–1926 гг. их доля среди самодельных уменьшилась с 7,8 до 5,3 % и была ниже общесоюзного (7,8 %) и общероссийского (8,3 %) уровней. 89 % безработных составляли рабочие и служащие, 57,6 % – мужчины; 91,8 % безработных искали работу не в первый раз, что свидетельствовало об остроте проблемы.

Среди городского населения Уральской области были также лица свободных профессий (большинство составляли служители культа), рентьеры, прислуга, деклассированное население (в основном нищие), иждивенцы и проч. Социальный состав горожан и их занятия были характерны для города в условиях рыночного хозяйства. В последующие годы в связи со сменой экономической политики страны этот естественный социальный процесс был насильственно прерван «сверху».

Во втором параграфе «Социально-экономическая структура и занятия городского населения в 1930-е гг.» анализируются изменения в социальном составе, занятости и профессиональной структуре городского населения Урала под воздействием промышленной модернизации. Выросло число самодельных горожан. В 1931 г. их доля среди городского населения поднялась до 47,4 %, в индустриальных центрах она была выше, составив в Магнитогорске

84,2 %. В 1939 г. этот показатель был равен в Пермской области 47,3 %, Свердловской – 45, Челябинской – 41,9 %. Мужчины по-прежнему составляли большинство экономически-активных горожан Урала, но шел процесс вовлечения женщин в общественное производство.

Под воздействием индустриализации изменился социальный облик уральских городов. В материалах переписи 1939 г. уже нет хозяев с наемными рабочими. Вместо социальных групп «хозяева, работающие только с членами семьи» и «хозяева-одиночки» появились «некооперированные кустари» и «крестьяне-единоличники». Но их доля среди горожан невелика. Удельный вес некооперированных кустарей не выходил за рамки 0,4–0,7 %, крестьян-единоличников – 0,1–0,2 %. Большая часть бывших самостоятельных хозяев вошла в группу кооперированных кустарей, их доля среди городского населения была 1,6–2 %, что было ниже показателей по РСФСР (3,6 %) и СССР (3,7 %). В составе горожан Урала были и сельские хозяева с тенденцией к сокращению. Подавлявшее большинство экономически-активного населения городов Урала представляли рабочие государственных предприятий и служащие госпредприятий и учреждений. За 1926–1931 гг. их удельный вес вырос с 57,6 до 84,1 % и составил в областях региона в 1939 г. 94 % и выше, что превысило показатели по городам РСФСР (92,5 %) и СССР (91 %). Основная масса горожан, имевших занятия, была задействована в тяжелой промышленности, что свидетельствовало об индустриальном развитии региона.

В третьем параграфе «Национальный состав, грамотность и отношение к религии» исследуются этнический состав, уровень грамотности, образования и религиозности городского населения Урала. Городские поселения региона были полиэтничными по составу. Большинство составляли русские, их доля среди горожан достигала в 1920 г. 92,4, в 1926 г. – 94,3 %. За ними шли татары (соответственно – 2,6 и 3,3 %) и евреи (1,1 и 0,9 %). Остальные народы имели незначительную численность. Перепись 1939 г. выявила изменения в национальной структуре горожан Урала за годы индустриализации: третьим по численности этносом после русских и татар стали украинцы; в городах выросла численность представителей других народов.

В годы нэпа грамотность понималась широко – достаточно было уметь читать по слогам и писать свою фамилию. При таком низком критерии доля грамотных среди горожан в 1920 г. была 55, 1926 г. – 67,7 %, что превысило аналогичный общероссийский уровень (60 %). Мужчин, умевших читать и писать, было больше, чем женщин. Самые высокие показатели грамотности были у горожан в возрасте 15–19 лет; наибольшее число грамотных было среди марийцев, евреев, белорусов, украинцев, пермяков, вотяков и русских, неграмотных – башкир и татар. Во время переписи 1939 г. критерий грамотности ужесточился, стали учитывать уровень образования, но не с 5, как раньше, а с 9 лет. В 1939 г. удельный вес грамотных среди городского населения колебался в рамках 86 (Челябинская область) – 89,3 % (Пермская область), в СССР он достигал 89,5, РСФСР – 90,8 %. Больше всего грамотных было среди горожан в возрасте 9–19 лет. Но подавлявшее большинство жителей городов Урала имело только начальное образование и ниже. Две трети горожан получили высшее и

среднее образование в советский период. Таким образом, государственная политика по ликвидации неграмотности и обязательном начальном школьном образовании имела положительные результаты.

Перепись 1937 г. должна была показать итоги антирелигиозной деятельности Советского государства. Респондентов от 16 лет опрашивали об их отношении к религии. Выборочные предварительные итоги по Челябинску, Магнитогорску и Златоусту показали, что 38 % горожан были верующими, треть из них – лица с 50 лет и старше. Особенно много верующих было в Магнитогорске (50,5 % жителей). Религиозность населения возрастала с возрастом.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Для изучения демографических процессов в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг. имеется достаточно достоверная, системная и многообразная информация о населении, полученная статистиками и работниками органов НХУ края в ходе переписей и осуществления текущего учета населения.

Исследование показало, что превращение Урала в промышленный центр страны в результате форсированной индустриализации сопровождалось ускоренной урбанизацией региона, темпы которой опережали общесоюзные и общереспубликанские. Но край находился на экстенсивной стадии урбанизации, для которой характерны, во-первых, высокие темпы роста численности городского населения, приведшие к изменению его доли в населении Урала. В 1939 г. горожане составили большую часть населения Свердловской области, к этому уровню вплотную подошли Челябинская и Пермская области. Во-вторых, осуществлялись масштабные административные преобразования сельских поселений в городские. Шел процесс укрупнения городов, которые формировались вокруг крупных промышленных гигантов.

Основными источниками пополнения горожан Урала были естественное и миграционное движение населения. В 1920–1930-е гг. регион находился на этапе демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Специфика демографической транзиции в городских поселениях края проявилась в смешении двух ее фаз. Во второй половине 1920-х гг. четко проявился тренд к снижению рождаемости горожан при сохранении достаточно высоких, но неустойчивых показателей смертности, на которую влияли высокая младенческая смертность, низкий уровень здравоохранения и культуры горожан, неразвитое городское хозяйство. Но и смертность проявила тенденцию к снижению. В 1920–1930-е гг. воспроизводство горожан находилось под прямым воздействием развития общества в целом, его социальных потрясений. Города Урала пережили две демографических катастрофы с резким повышением смертности и снижением рождаемости, убылью населения, которые прерывали естественный ход демографической транзиции. В 1937 г. рост рождаемости был обусловлен запретом на аборт. Но к концу 1930-х гг. вновь проявилась отчетливая тенденция к снижению как рождаемости, так и смертности населения, хотя в рассматриваемый период в уральских городах только формировались необходимые условия для устойчивого сокращения уровня смертности. Таким образом, к концу 1930-х гг. в городских поселениях Урала не удалось завершить первую фазу демографической транзиции.

В рассматриваемый период снижение рождаемости происходило не только под воздействием тяжелых жизненных обстоятельств, но и вследствие постепенного изменения образа жизни женщин. Они все больше втягивались в общественное производство, рос уровень их образования и карьерных устремлений. Осознанный подход к рождению детей проявился своеобразно – в росте количества аборт. Города региона переживали первую стадию эпидемиологического перехода. Достижения медицины и фармакологии, улучшение условий труда и быта, повышение уровня грамотности и культуры горожан способствовали снижению заболеваемости и смертности от экзогенных причин. Но удалось ликвидировать только натуральную оспу.

Все большую роль в формировании городского населения Урала играли миграции. Регион находился на второй фазе миграционного перехода, связанной с промышленной модернизацией края и коллективизацией. Горожане пополнялись в первую очередь за счет внутренней миграции. Шел процесс массовых перемещений сельского населения в города. Среди мигрантов преобладали мужчины трудоспособного возраста.

В целом городское население Урала развивалось в русле общероссийских тенденций. К концу 1930-х гг. сформировались его характерные черты. Городское население по возрасту было молодым и имело большой трудовой потенциал, полиэтничным, но с преобладанием русских, достаточно грамотным, хотя и с низким уровнем образования. В социальном отношении оно довольно однородно и состояло из рабочих, инженерно-технических работников и служащих государственных предприятий и учреждений, было занято в основном в производственной сфере, прежде всего в тяжелой промышленности. В составе горожан было много выходцев из сельской местности.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии:

1. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2012. 219 с. (12,78 п.л.; рец.: Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 4. С. 94–95).
2. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2014. 242 с. (14,18 п.л.).

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Динамика численности городского населения Урала в 20–30-е гг. XX века // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 4. 2005. № 7 (47). С. 47–51 (0,5 п.л.).
2. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20–30-е гг. XX в. // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 7. 2006. № 17 (72). С. 33–37 (0,5 п.л.).
3. Отношение к религии городского населения Урала (по предварительным итогам Всесоюзной переписи населения 1937 г.) // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 14. 2010. № 8 (184). С. 11–14 (0,4 п.л.).

4. Национальный состав городского населения Урала в 1920–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8). Ч. II. С. 71–74 (0,5 п.л.).
5. Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1937 г. в уральских городах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9). Ч. I. С. 44–50 (0,8 п.л.).
6. Численность городского населения Урала по предварительным итогам Всесоюзной переписи 1937 г. // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 19. 2012. № 32 (291). С. 27–31 (0,5 п.л.).
7. Смертность в уральских городах в первой половине 1930-х годов // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). 2012. № 4 (20). С. 421–428 (0,6 п.л.).
8. Становление и развитие системы текущего учета населения в уральских городах в 1920–1930-х гг. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) 2012. № 4 (12). URL: <http://sisp.nkras.ru/eng/ru/issues/2012/04/kovalyova.pdf> 0421200132/0225. 27 с. (в соавт. с Л.А. Ковалевой; 1,0/0,5 п.л.).
9. К вопросу о численности городского населения Урала по Всесоюзной переписи 1939 г. // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1. С. 31–35 (0,4 п.л.).
10. Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1939 г. в городах Урала // В мире научных открытий. Сер. «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 1 (37). С. 127–146 (0,6 п.л.).
11. Социальная группа «хозяева» среди горожан Урала (по материалам переписей 1920-х гг.) // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т.13. № 2. С. 29–32 (0,4 п.л.).
12. Причины смерти горожан Урала разных возрастных групп в 1924–1928 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). Ч. II. С. 62–66 (0,4 п.л.).
13. Рождаемость и смертность в уральских городах в 1924–1929 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). Ч. II. С. 66–69 (0,3 п.л.).
14. Грамотность городского населения Урала (по данным переписей 1920, 1926 и 1939 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40). Ч. I. С. 67–70 (0,3 п.л.).
15. Социальная группа «служащие» среди горожан Урала (по материалам переписей 1920-х гг.) // В мире научных открытий. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2014. № 1.1 (49). С. 712–722 (0,3 п.л.).
16. Деятельность органов здравоохранения Урала по снижению смертности городского населения от туберкулеза в 1920-е гг. // European social science journal

(Европейский журнал социальных наук). 2014. № 4 (43). Т. 1. С. 385–390. (в соавт. с Л.А. Ковалевой; 0,4/0,2 п.л.).

17. Младенческая смертность в уральских городах и меры по ее снижению в 1920-е гг. // Уральский исторический вестн. 2014. № 3 (44). С. 96–102 (0,5 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. Население Златоуста в 20–30-е гг. XX в. // Вторые Бушуевские чтения: сб. мат-лов. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. С. 110–121 (0,67 п.л.).

2. Становление коммунального хозяйства Урала и его влияние на естественное воспроизводство городского населения в 20–30-е гг. XX в. // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 9. 2007. № 24 (96). С. 19–24 (0,72 п.л.).

3. Организация переписей населения в городах Урала в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). С. 26–31 (0,7 п.л.).

4. Города и городские поселения Урала по переписям населения 1920–1930-х гг. // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 11. 2007. № 21 (121). С. 14–20 (0,56 п.л.).

5. Становление и развитие аптечной сети в городах Урала в 1920–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (2). С. 40–44 (0,55 п.л.).

6. Причины смерти городского населения Урала в 1920–1930-е гг. // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 13. 2009. № 32 (165). С. 10–16 (0,78 п.л.).

7. Численность городского населения Урала в 1920–1930-е гг. // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения: сб. докл. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 86–95 (в соавт. с О.М. Вишняковой; 0,5/0,25 п.л.).

8. К вопросу о родовспоможениях в уральских городах в 1920–1930-х гг. // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, АМБ, 2011. С. 51–55 (0,4 п.л.).

9. Массово-разъяснительная работа в городах Урала в период подготовки к Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы X всерос. науч. конф. Екатеринбург: УМЦ–УПИ, 2011. С. 55–61 (0,35 п.л.).

10. Динамика населения уральских городов в условиях промышленной модернизации края (конец 1920-х–1930-е гг.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. тр. XII междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: Либриус, 2011. С. 333–340 (0,4 п.л.).

11. Рабочие в городском населении Урала (по данным переписей 1920, 1923 и 1926 гг.) // Индустриальная Россия. Вчера. Сегодня. Завтра: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: УМЦ–УПИ, 2012. С. 143–147 (0,32 п.л.).

12. Аборты в городах и городских поселениях Урала в 1920–1930-х гг. // Историческая демография (Сыктывкар). 2012. № 1 (9). С. 46–49 (0,4 п.л.).

13. Учет миграций городского населения Урала в 1920–1930-е гг. // Исторические и социально-психологические проблемы миграционного поведения: сб. науч. тр. Екатеринбург: Урал. ин-т РАНХиГС, 2012. С. 69–77 (0,41 п.л.).
14. Итоги переписи населения Магнитогорска 1931 г. // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. С. 257–262 (0,31 п.л.).
15. Профессиональная заболеваемость как причина смертности горожан Урала в 1920-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: мат-лы XI всерос. науч. конф. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. Т. 1. С. 435–439 (0,34 п.л.).
16. Влияние голода 1921–1922 годов на демографическое развитие уральских городов // Голодовки в истории России XVIII–XX вв.: сб. ст. VIII междунар. науч.-практ. конф. Оренбург: ОГПУ, 2013. С. 74–79 (0,55 п.л.).
17. Естественное воспроизводство горожан Урала в 1929–1940 гг. // Институты развития демографической системы общества: сб. мат-лов V Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. С. 279–285 (0,4 п.л.).
18. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: к историографии проблемы // Наука ЮУрГУ: мат-лы 66-й науч. конф. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2014. С. 1209–1217 (0,51 п.л.).
19. Причины повышенной смертности горожан Урала в 1929–1933 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: XII всерос. науч. конф. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2014. Т. 1. С. 348–353 (0,38 п.л.).
20. Миграционное движение городского населения Урала в 1920-е гг. // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. мат-лов VI Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. Т. 1. С. 60–65 (0,44 п.л.).